

Распрощавшись с наследником князя Цзина, Чи Нин велел кучеру свернуть в темный переулок по соседству с усадьбой. Экипаж еще не успел остановиться, а его люди уже получили донельзя странное распоряжение: отправиться на соседнюю улицу Чжэньян и купить там еду, за которой выстроилась самая длинная очередь. Выполнять приказ должны были все до единого, не исключая и Куцай.

Слуги, давно привыкшие к тому, что приказы молодого господина не обсуждаются, не посмели ни медлить, ни задавать вопросов. Лишь Куцай бросил на него полный тревоги взгляд, прежде чем все они растворились в багровых сумерках угасающего дня.

— Здесь никого не осталось, так что прошу вас, выходите, — неторопливо произнес Чи Нин, устраиваясь поудобнее в полумраке экипажа. Он даже заботливо освободил место на мягком сиденье, приготовив подушку для незваного гостя.

Слегка качнулась подножка — так плавно, что обычный человек ничего бы не заметил. Полог экипажа бесцеремонно откинулся, и внутрь скользнул мужчина в алом одеянии. Глава культа Чжу, Чжу Лян, привольно устроился напротив Чи Нина. Природа наделила этого грозного предводителя обманчивой, андрогинной красотой: раскосые глаза-фениксы манили скрытым лукавством, а уголки чувственных губ замерли в легкой, дразнящей улыбке. О чем бы он ни говорил, его облик и манеры всегда дышали каким-то порочным превосходством.

— И когда же господин чиновник меня заметил? — спросил гость, щурясь.

— С самого начала, — последовал спокойный ответ.

Стоило повозкам выехать за ворота Парка Ивовой Рощи, как Юань негромко шепнул Чи Нину, что у них на хвосте висит соглядатай. Страхнуть преследователя не составило бы труда, но, немного поразмыслив, Чи Нин решил пустить все на самотек.

Слава Чжу Ляна как непревзойденного мастера боевых искусств оказалась заслуженной: полагаясь лишь на собственную прыть, он играючи поспевал за лошадьми на протяжении всего пути до города.

Чжу Лян досадливо нахмурился, мысленно жуя себя за опрометчивость: «Алый цвет все-таки слишком бросается в глаза. Непорядок».

— Ты ведь нарочно позволил мне подслушать признания наследника? — прямо спросил он.

— Мне хотелось, чтобы вы убедились в искренности намерений молодого господина, — без обиняков признался Чи Нин. С людьми вроде Чжу Ляна, привыкшими решать дела одним сокрушительным ударом, вилять не имело смысла — чем проще, тем лучше. — Он действительно хочет помочь, это не ловушка и не хитроумный заговор. И раз уж мы коснулись этой темы... Я бы просил вас не причинять наследнику вреда. Если с его головы упадет хоть один волос до того, как я завершу свое поручение, у меня возникнут серьезные неприятности.

У Чи Нина вошло в привычку начинать любой разговор с вежливых заверений, а уж во что беседа выльется потом — зависело исключительно от обстоятельств.

— И какая же помощь мне может понадобиться от императорских прихвостней? — фыркнул Чжу Лян. Даже эта презрительная гримаса на его безупречном лице выглядела вызывающе соблазнительно, тая в себе скрытую, смертельную угрозу.

— Вот об этом я и хотел бы услышать от вас, — Чи Нин оставался абсолютно равнодушен к чужому очарованию, словно слепец, перед которым распинался записной искуситель. Его ладонь лениво скользнула по деревянной кукле, покоившейся на коленях. — Мои скромные источники позволили догадаться лишь до этого рубежа.

Разумеется, он мог бы расспросить Юаня, но дергать Злого бога по каждому пустяку казалось ему излишним.

— Выходит, ты заранее уверен, что мне нужна чья-то протекция? — прищурился Чжу Лян, и голос его опасно притих.

Чи Нин не стал смягчать углы:

— Не верить же мне, в самом деле, будто вы влюбились в нашего наследника с первого взгляда.

Их встреча в Парке Ивовой Рощи сама по себе выглядела слишком подозрительно. Но когда безжалостный предводитель демонического культа, привыкший косить людей как траву, вдруг умерил спесь, заговорил со смертными на равных и явил чудеса покладистости — всякие сомнения отпали. Здесь крылась вовсе не случайность, а тонкий расчет.

— Нам и впрямь не помешало бы надежное укрытие на время, — обронил Чжу Лян, и с этим ледяным «нам» в нем наконец проснулся истинный глава темного культа. Он словно превратился в обнаженный клинок, омытый свежей кровью: от всей его фигуры повеяло неистовой, гибельной угрозой.

Чи Нин мысленно перевел дух. Вот это другое дело, именно так и должен вести себя нормальный, уважающий себя злодей.

А то в парке он уже начал всерьез опасаться, не повредился ли у Чжу Ляна рассудок из-за усердных тренировок.

— Я могу предоставить вам не просто убежище. Я способен полностью избавить вас от источника этих бед, — Чи Нин многозначительно улыбнулся, выказывая абсолютную уверенность. И это не было пустой похвалой — у него действительно имелись рычаги для подобных обещаний.

— Но?.. — Чжу Лян вскинул бровь. Терпеть не мог недомолвок, но этот евнух определенно пришелся ему по душе — с таким не грех было и чашу за братство осушить. — Каковы твои условия?

— Вы слышали наш разговор, — отозвался Чи Нин. — Задача проста: помочь наследнику уладить дела с одним горным кланом в землях Чу.

Без высочайшего повеления придворным слугам запрещалось покидать столицу. Положение Чи Нина при дворе пока оставалось шатким, а круг верных людей за пределами дворца — слишком узким. Свободный в перемещениях Чжу Лян подходил на роль тайного исполнителя как никто другой.

Чжу Лян смерил его лукавым взглядом:

— Насколько я помню, наследник собирался уладить все посредством женитьбы.

— Верно. Это его слова, — с обезоруживающей наглостью парировал Чи Нин. — Но не мои.

Вэнь Хуайгу желал лишь уберечь людей из своего тайного списка, а вовсе не рвался под венец. Для неопытного наследника женитьба казалась единственным доступным выходом — простым и не способным никого подставить. Однако Чи Нин, взявшийся исполнить волю юноши, знал сотни иных способов решить проблему, и жертвовать свободой подопечного вовсе не собирался.

— И почему же ты не откроешь ему глаза? — полюбопытствовал Чжу Лян.

Причин было в избытке, но Чи Нин выбрал ту, которую не зазорно озвучить чужаку:

— Наверное, потому, что я предпочитаю воспитывать людей по законам волчьей стаи.

Если ребенок падал, Чи Нин никогда не спешил поднимать его, причитая, какая плохая попалась дорога, — ушибленный должен был подняться сам. Почему наследник князя Цзина до сих пор оставался беззащитным перед семейными интригами? Ему просто не хватало сурового опыта. И Чи Нин надеялся, что это испытание заставит Вэнь Хуайгу наконец понять, что такое истинные чувства.

Кого любить — одного человека или весь мир, — юноша должен был решить для себя сам, без чужих подсказок и нравоучений.

Было и еще кое-что: Чи Нин пока не знал наверняка, удастся ли ему распутать все узлы на этом пути, а бросать слова на ветер он не любил. «Никогда не обещаю больше, чем сможешь исполнить», — эту заповедь намертво вколотил в него старый наставник, евнух Чжан, когда юный Чи Нин, хваставший, что сдаст экзамен лучше всех, уступил сопернику и занял лишь

второе место.

Если бы затея с Чу провалилась, у него остался бы запасной план — устроить свадьбу. Так Чи Нин сохранил бы в глазах подопечного свой ореол всемогущества.

Словом, Чи Нин вел себя как типичный прожженный интриган.

Чжу Лян не выказал ни веры, ни сомнения — подробности его мало волновали. Обладая решительным нравом, он быстро понял, что евнух предлагает взаимовыгодную сделку, и сразу перешел к сути:

— По рукам. Будем работать вместе.

— Но учти: если я узнаю, что ты водишь меня за нос, или если ты не сдержишь своего слова, смерть твоя будет долгой и мучительной. И на что бы ты ни полагался, смея глядеть мне в глаза с такого расстояния, помни: если я пообещал убить тебя, я сделаю это, чего бы мне это ни стоило!

В его глазах зажегся безумный, плотоядный огонек.

Улыбка Чи Нина даже не дрогнула.

— А если вы не разберетесь с делами в землях Чу и не доставите мне сына тамошнего вождя, то сполна заплатите за сегодняшнюю дерзость.

Угрожать умели оба.

Чжу Лян долго буравил его взглядом, после чего разразился диковатым, безумным смехом.

— Чи Нин, верно? А ты мне нравишься. Я тебя запомнил.

Они обменялись памятными жетонами, скрепляя договор, после чего Чжу Лян растаял в наступающей темноте так же бесшумно, как и появился.

Прошло еще немного времени, прежде чем вернулся взмыленный Куцай.

— Самая длинная очередь на Чжэньяне выстроилась к лоточнику, который продает баоэрфань — рисовые конверты в листьях, — доложил он, бережно протягивая господину пышущий паром сверток.

Рецепт баоэрфаня некогда зародился на императорской кухне, откуда быстро перекочевал за

пределы дворца и завоевал признание по всей стране. Суть его была проста: в свежие, хрустящие листья латука заворачивали рассыпчатый рис, сочные тушеные овощи и ароматный соус. Угощение отдаленно напоминало весенние блинчики, но благодаря обилию начинки вкус казался намного богаче. Пряное, сытное лакомство разлеталось вмиг, а вереница покупателей ежедневно растягивалась от одного конца улицы Чжэньян до другого.

Стоило Чи Нину сделать первый укус, как он понял: слуги топтались в толпе не напрасно. Еда определенно стоила каждого потраченного медного гроша.

Приятные новости, как водится, не приходят в одиночку.

Когда Чи Нин вернулся в Дирекцию дворцового хозяйства, его уже дожидался одобренный доклад. На бумаге красовались размашистые подписи чиновников Дирекции церемониала и Кабинета министров, а также несколько собственноручных пометок нового государя. Новый император не просто удовлетворил просьбу о поиске невесты для наследника, но и отдельно похвалил Чи Нина за расторопность. Молодой правитель явно начинал смотреть на строптивого евнуха совсем другими глазами.

"По крайней мере, теперь ты для него не просто «тот невыносимый евнух, который мешал мне занять трон», — раздался в его голове бархатный голос Юаня, мысленно поздравляющего Чи Нина с успехом. — К твоему имени наконец прибавилось уважительное «весьма толковый малый»"

После получения высочайшего одобрения, подготовка к смотринам пошла без сучка и задоринки.

В правящем доме Великой Ци порядок проведения смотрин — выбирали ли невесту для самого императора или супругу для наследника княжеского титула — подчинялся строгим предписаниям. Весь процесс шел по давно проторённой колее.

Сначала гонцы развозили указы оборонным евнухам в провинциях, веля тем разыскать среди благородных семей девиц подходящего возраста. Избранным красавицам с безупречной репутацией выдавали дорожные грамоты, выделяли средства на путевые расходы и под присмотром чиновников отправляли в столицу. В Юнцзи их ждали суровые испытания и обучение дворцовому этикету. Пройдя через сито жесточайшего отбора, в финал выходили лишь три претендентки, из которых жених лично выбирал себе законную супругу.

Обычно подобные хлопоты растягивались на добрых полгода, а то и на год.

Единственное отличие заключалось в том, что для наследника процедуру упростили: вместо восьми ступеней отбора оставили пять, да и географию сузили до десяти крупнейших городов империи.

Ставку сделали на происхождение, а не на число претенденток, стремясь максимально

сократить сроки смотрин.

Чи Нин заранее обосновал спешку в своем докладе: он сослался на слова Вэнь Хуайгу, который как-то упомянул, что его царственный отец желает поскорее справить свадьбу единственного сына.

Молодой император разделял это рвение — ему и самому не терпелось поскорее женить кузена, чтобы все докучливое семейство сиятельного князя покинуло Юнцзи и отправилось обратно в свои владения в Шу.

Интересы сторон полностью совпали, так что предложенный Чи Нином план приняли безоговорочно.

Пожалуй, единственным, кто проклинал расторопность Чи Нина, оставался директор с печатью Дирекции дворцового хозяйства Чжоу Хайва. Утеря казенной печати грозила ему смертной казнью. Бедняга провел много дней в постоянном страхе, но Чи Нин почему-то медлил с разоблачением. В конце концов, не выдержав пытки ожиданием, Чжоу Хайва тайно заказал у умельцев новый оттиск, надеясь замести следы и избежать кары.

Однако в ту же ночь дорогая подделка, за которую он выложил круглую сумму, бесследно исчезла прямо из его запертого кабинета. Вторая печать испарилась столь же таинственным образом, заставив несчастного Чжоу Хайва от ужаса едва ли не взлететь под потолок.

На этом кошмар не закончился. Сколько бы новых дубликатов ни заказывал Чжоу Хайва, каждый из них неизбежно пропадал в первую же ночь. О том, чтобы вести дела ведомства в обычном режиме, не могло быть и речи.

Каждый день проходил для него точно на плахе. Несчастный евнух балансировал на грани безумия. По ночам он до боли скрежетал зубами от злости и отчаяния, а поутру, собрав остатки мужества, порывался пойти к Чи Нину и потребовать объяснений.

"Чего тебе от меня нужно, Чи Нин?!"

"Прикончи меня уже, а?!"

Но увы, грозная решимость Чжоу Хайвы испарялась при одной лишь мысли о сопернике, оставляя место лишь жалкой, трусливой мольбе.